

ДЖИМ МОРРИСОН

В наше время редко рождаются люди, подобно титанам Возрождения, с легкостью меняющие стило на резец, а резец - на лиру. Одно из исключений - знаменитый рок-бард, лидер культовой группы "Дорз" ("Двери") Джим Моррисон (1943-1971). Лишь в начале 90-х, с выходом в свет двухтомника посмертно найденных стихов Джима, стало ясно, что он был действительно серьезным поэтом. Сейчас его стихи вошли в моду в университетских кругах Америки и Западной Европы - интеллектуалы зачитываются его поэзией, как раньше "фэны" заслушивались его песнями. Автор двух выпущенных за свой счет и оставшихся незамеченными книжечек "Властители" (1969) и "Новые существа" (1970) проделал в поэзии большой путь, приведший его к вершинам мастерства. В зрелых стихах Моррисона, опубликованных лишь посмертно и представленных в нашей публикации, чувствуется, что автор своеобразно усвоил открытия классиков американской поэзии - Стивена Крейна, Карла Сэндберга и Уильяма Карлоса Уильямса. Вместе с тем, Моррисон привнес в поэзию и нечто новое - его стихи требуют от читателя ассоциативного мышления, активного осмысления текстов. И мы с готовностью включаемся в эту интеллектуальную игру.

Анатолий Кудрявицкий

МАЙАМИ

Что мне прочесть ей,
что мне прочесть ей
воскресным утром?

Как мне пронять ее,
душу ее тронуть
воскресным утром?

Прочту ей о битвах
с индейцами,

о всадниках, гонимых ветром,
о реках крови,

чтобы она заслушалась,
смягчилась
и все такое

однажды воскресным утром

ПЛОТЬ

Плоть ее уносит мысли плотские
на гребнях волн. Под волосами
белеет кожа голого оттенка,
редчайшего, светлей молочной
пенки.

Когда она встает с постели
и сонно погружается в наш
жизненный бассейн,
моргая, словно на приеме у
хирурга,
танцую я на плитках Красного,
кровавейшего из морей.

Злодейство начинается в доме, в
кровати.
Оно подобно океанскому отливу,
что с берегом беседует и
скалами. Потом
останутся лишь ветки черные на
том, что было дном.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Сегодня вечером только
поношенную одежду
приношу на себе домой
и слагаю к твоим стопам.
Это жалкая свидетельница
дня разочарований
и трагического уныния.
Надеюсь, я еще на что-то годен.
Отведи меня в спальню,
дай выпить (и помоги лечь в
постель).

* * *

Между детством, отрочеством,
юностью
и зрелостью (совершеннолетием)
всегда есть
четкая линия, проведенная
испытаниями, смертями,
подвигами, песнями,
предвзвешенными, ложью и
независимостью суждений.

* * *

Для тех, кто умер
за Нирвану
за устои небесной веры
за тебя, за меня

Эти строки написаны
чтобы передать весть
чтобы пренебречь
предостережением
взмывать веселыми голосами
в заоблачные страдания
погрузиться в глубочайшие моря
Верьте
чему-то более ужасному
чем война
чему-то недомолвленному в
сказаньях
мучительному вымиранию
исполинских зверей.

ЭТО ДАЕТСЯ ПРОСТО

Уроки, как сделаться
революционером
позером
(пророком!)
или поэтом

Всегда найдутся хорошие друзья -
успокоят, помогут.
Торгашеский каприз
для них - словно приз

Сперва стань
мечтателем-ученым,
в биохимии и радио подкованным
вполне,
ловцом жемчуга на небесном дне
Затем побывай у местного фи-
нансового гения (он подскажет,
как сеять семена сомнения)

* * *

Дети верят
в мужчину, говорящего:
все будет хорошо

Ищите его, спокойного спасителя,
ветерана войн неутолимой
алчности. Ищите спокойного
спасителя.
Бог в помощь, и да простит вас
утренняя звезда,
дева душистого луга.

* * *

Забавно -
я все еще жду
стука в дверь
что ж, такова
награда за жизнь
среди людей
какого стука? того, что
развеет мои иллюзии и мечты
лишит достоинства и покоя
сведет на нет усилия горемыки-
поэта
избежать тисков беллетристики
конъюнктуры
и репортерства.

Переводы А.Кудрявицкого

ДЭВИД МЭНИКАМ

Канадский поэт Дэвид Мэникам относительно молод - он родился в 1960 году. Он не скрывает своего преклонения перед русской культурой. Последние несколько лет Дэвид прожил в Москве. Знакомство с русской литературой многое дало ему как поэту. Его стихотворение "Смерть Мандельштама" - пронзительная метафора взаимоотношений "неангажированного" властью поэта и его суровой "матери" - нашей неласковой к поэтам Родины. Мне кажется, Мэникам попал как раз в "болеву точку" - не зря говорят: "издалека виднее".

Анатолий Кудрявицкий

СМЕРТЬ МАНДЕЛЬШТАМА

Бросив на произвол судьбы
детей своих
в ларце задвинутом в дальний
ящик комода
в доме с закрытыми ставнями
мать оставила там
инкрустированное жемчугом
зеркало
вглядывающееся во тьму.

ЧАЙКИ ОСЕНЬЮ

В сорока милях к северу от
озера Эри
оксфордская осень: хрупкие
желто-коричневые колосья
клонятся тяжелой бахромой к
земле.
Подняв воротник теплой куртки,
в последний раз перед зимой
чиню ограду.
Глухие удары по кольям, тембр
серого неба.

На изгороди маленькие птички
- взволнованно чирикают,
живой лентой мелькают перед
глазами.

Последний кленовый лист
снижается бумажным голубем,
трепещет, как флажок над
крышей опустевшего шاپито,
порхает по безлюдному городу,
возвещая воцарение в душе
нового времени года.
Отец разбрасывает сено по
лугу,
возвращает почве покров,
испещренный тенями
укорачивающихся дней,
надевает сухую кожуру на
черный плод весны.

Только теперь могут они
появиться
с дымного неба, снизиться,
покачиваясь, -
белые чайки, вслед за острыми
лезвиями плугов припадающие
к полосе пахучей земли.
Странные создания,
похожие на белые голыши у
моря,
одетые в лохмотья облаков,
безмятежно обменивающиеся
возгласами.
Выпадают из зеркала небес и
озер,
выхватывают червей из
борозды.

Когда отец запирает на зиму
калитку забора вокруг поля
в сорока милях к северу от
озера Эри,

волшебницы-чайки кружат
в танце первых снежинок
над темными бороздами и
комьями земли,

затем исчезают там же,
откуда появились, -
в белых пятнах на карте, -
оставляя по себе
аромат сна. На
вечереющем лоне природы
моя голова, забывшая к
середине жизненного пути,
откуда все начиналось.

ИГРЫ НА БЕЛОЙ ДОСКЕ

Бледные зимние лучи на
моем столе
высвечивают рваный край
конверта
с иноземным шепотом
одного из ее редких писем.

Снег не выпадал
неделями;
под окном в
междусобной битве следов
прорубают себе путь
новые тропинки,

разбегающиеся во все
стороны
и пропадающие из вида.
Некоторые четкие, как
строки,
линии все же утверждают
себя -

последние издания,
черные отпечатки
на искрящейся белизне
поля. Далекие дымки
над зелеными медными
крышами поднимаются

до одной и той же
высоты, сверкают
голубым отливом и
исчезают
в устье невидимой трубы.
Мой взгляд

блуждает вдоль границы
видимого.
Наблюдаю за медленно
ползущей тенью,
вслепую разрезающей
исписанный лист.

Вслепую? Ежась от холода
в теплой комнате,
я закрыл глаза. Налетела
тьма, оцепенение
скользнуло ко мне по
льду.

Переводы
А.Кудрявицкого